

## НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА И В НАУЧНОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Обращение к народной этимологии в научных этимологических исследованиях, особенно ориентированных на доисторический период, воспринимается обычно как крайнее средство толкования, используемое за отсутствием других, более надежных решений. Объективным основанием для такой оценки является неопределенность наиболее существенных для применения научной методики характеристик народной этимологии: ее панхронизм и спорадичность, многообразие формальных и семантических проявлений. Тем не менее действие народной этимологии как одного из факторов исторически наблюдаемых изменений лексики требует учета этого явления также и при реконструкции древних периодов существования лексического фонда. Приближение реконструкции различных периодов истории лексики к исторической реальности невозможно без обращения в этимологической практике к факторам, осложняющим действие известных закономерностей, и признания народной этимологии одним из наиболее активных факторов этого рода.

Очевидно, необходимо исследование характеристик народной этимологии. Эта проблема имеет длительную историю и обширную литературу, но В. Н. Топоров видит в ее изучении глубокие задачи и многообещающие перспективы: «Обобщение опыта этих „меньших“ этимологий [„народной“ этимологии, „мифопоэтической“ и „онтологической“. — Ж. В.] и вскрытие их принципов, позволяющее соотнести их со структурой человеческого познания, безусловно принадлежит к числу самых актуальных потребностей как языкознания, так и более широкого круга наук о человеке. Вместе с тем, этот опыт не может... не быть полезным и для этимологии „обычного“ сравнительно-исторического типа...» [Топоров 1986: 207]. Последний аспект представляется тем более существенным, что, как отмечает В. Н. Топоров, научная этимология «нередко соскальзывает к народной этимологии (не всегда отдавая себе в этом отчет)» [Там же: 206], т. е. этимологическое решение отражает лишь определенный этап истории слова — его народноэтимологическое преобразование.

Наиболее очевидно действие народной этимологии в усвоении заимствований. Однако сущность народной этимологии как реинтерпретации лексики, направленной на ее системную реорганиза-

цию в соответствии с актуальными мотивационными моделями [Kofínek 1936], определяет целесообразность исследования всего комплекса ее проблем на материале исконной лексики и прежде всего диалектной, менее связанной нормами и книжной традицией. В отечественной науке подобное изучение диалектов велось в последние десятилетия весьма плодотворно и привело к пересмотру или уточнению ряда привычных положений теории народной этимологии. Так, вопреки утвердившемуся мнению о необязательности и редкости семантической близости воздействующего слова к преобразуемому [Cienkowski 1972: 18, 106; Olschansky 1996: 134], обнаружена преимущественная обусловленность выбора источника ассоциативного воздействия на слово (из ряда фонетически близких слов) его собственной семантикой, т. е. взаимосвязь фонетических и семантических стимулов [Гридина 1984: 143–150]; обоснована неправомерность отнесения к сфере народной этимологии случаев морфологических преобразований при отсутствии новой мотивации (= отождествления корня) [Гридина 1989: 14] — ср. противоположную точку зрения [Cienkowski 1972: 98–104]; выявлено соответствие типов мотивации в лексемах—результатах народноэтимологических преобразований типам мотивации, наиболее продуктивным в соответствующих лексических группах [Гридина 1989: 35–42]; выделен тип народноэтимологических преобразований с сопутствующим внесением экспрессивно-оценочного элемента и метафоризации [Там же: 48–52].

Анализ действия народной этимологии в диалектной лексике позволяет выделить и другие характеристики этого явления, причем, учитывая интересы научной этимологии, целесообразно сосредоточить внимание на тех последствиях народной этимологии, которые позволяют опознать ее вмешательство в историю слов.

Различие типов народной этимологии обнаруживается в их различной направленности на отдельные характеристики лексемы: ее мотивацию, фонетический облик, значение; из этих направлений воздействия обязательным признаком народной этимологии является ремотивация; остальные могут в разных комбинациях сопутствовать основному [Cienkowski 1972: 22].

При преобразовании формы слова, сопутствующем ремотивации, происходит замена корня, которая с формальной точки зрения представляет собою преимущественно замену части звуков старого корня, их утрату или добавление нескольких звуков (эпентезу, консонантную протезу): *молóдиво* 'молозиво' (брян., смол.) [СРНГ 18: 223]; *кобéль* 'пень, обрубок дерева' [Сл. Алт. 2, II: 49] < *комéль*; *кручи́на* 'ягода крушины' [Сл. Прииртыш. 2: 76]; *обéдно* 'обидно'

[Новг. Сл. 6: 83]; *белизна* 'огрех при пахоте' [Сл. Рус. Сев. 1: 90] < *близна*; *жгáло* 'жало' [Новг. Сл. 2: 123]; *удила́* 'удила' [Там же 11: 89]; *вясли* 'кормушка для скота, обычно прикрепляемая наклонно к стене, ясли; детские ясли' [Сл. Соликам.: 102], *вяслы* то же (иркут.) [СРНГ 6: 79], под влиянием *вясло* 'жгут' [Там же]; *брю́ха* 'чурочка для детской игры' [Сл. Рус. Сев. 1: 193] < *рюха*. При этом, кажется, возможна неполная идентификация измененного корня с корнем «сильного», влияющего слова, в частности — сохранение гласных исконного корня: см., например, диал. *брядóвик* 'гриб' [Сл. Рус. Сев. 1: 194] < *рядóвик*, под влиянием *брести*; ст.-рус. *брунь* 'сбруя' [СлРЯ XI—XVII вв. 1: 339] < *сбруя*, под влиянием *бронь* 'оружие'. Возникающая в результате этого вариантность вокализма корня и обнаруживает вторичность его формы (особенно при отклонении этой вариантности от закономерных чередований).

Вариантность корневого вокализма может быть также следствием неполного охвата лексемы народной этимологией по отдельным говорам. Именно этот формальный признак рус. диал. *бронь* (арханг., олон., вят., перм. и др.) [СРНГ 3: 195; Сл. Ср. Ур. 1: 57] / *брунь* (волог., арханг., новг., перм., свердл., том. и др.) [СРНГ 3: 203] 'метелка овса, колос' побуждает искать здесь объект и направление преобразования. В двух этимологических словарях праславянского языка эти лексемы включены в число производных от праслав. *\*brōnъ(jь)* 'светлый, белый', но русские диалектизмы явно выделяются по значению из соответствующих групп инославянских лексем с преимущественной семантикой цветообозначений и конских мастей [SP 1: 386—387; ЭССЯ 3: 42]. В основе предлагаемых словарями толкований лежит допущение развития значения 'светлеть' → 'изменять цвет' → 'созревать' [Machek<sup>2</sup>: 68]. Однако образование колоса или метелки овса или грозди ягод (еще одно значение рус. *брунь*) весьма отлично по признакам от созревания груш и подобных плодов (чеш. диал. *hruška se brání*) [Hruška. Sl. chod.: 14]. С другой стороны, учитывая значения рус. диал. *руно́* — 'стебли гороха; ботва картофеля; солома; высокая густая трава; хлеб на корню; всходы зерновых культур; все растущее на земле' [СРНГ 35: 264], *рунь* 'всходы озимых' [Там же: 265], можно объяснить *брунь* как отглагольное производное *\*обрунь* от *обруниться* 'начать колоситься (об овсе)' (сев.-двин.) [СРНГ 22: 213], образованного от *руно́* (ср. *руне́ть* 'обрастать длинной густой шерстью (об овцах)') [СРНГ 35: 263], с преобразованием *\*обрунь* > *брунь*. Появление варианта *бронь* объяснено Покровским [СРНГ 3: 195] как преобразование *обронь* 'опавшие при жатве колосья, семена' [СРНГ 22: 209]; ср. *обронéть* 'осыпаться (о хлебных зернах)' [Там же: 208], но более вероятным представляется (учитывая

*бронь* 'метелка овса, колос' — см. выше) народноэтимологическое преобразование *брунь* под влиянием *обронить*, *обронеть*: *брунь* > *обронь/бронь*.

При замене корня, сопровождающей ремотивацию, другие морфемы слова часто остаются вне сферы внимания и могут сохраниться неизменными, но могут также быть вовлечены отдельными своими элементами в процессе замены корня. Например, *побасенка* > *побывáсенка* 'поговорка, присловье' [Сл. Карел. 4: 573]; *обутки* > *обу́рки* 'обувь' [Сл. Алт. 3, I: 180]; *облебянеть* > *оболбянеть* то же [Новг. Сл. 6: 99], ср. *хлеб обалдел* 'не растет' (арханг.) [СРНГ 21: 345]; *мутовка* > *мытóвка* 'ухват' [Сл. Карел. 3: 279], *скопидом* > *скупи́дóмец* то же [Новг. Сл. 10: 82]. Несоответствие образующихся структур словообразовательным моделям и особенно «остаточный» характер аффиксов давно признаны надежными признаками народноэтимологических преобразований (если не чисто морфологических, но иногда оба явления совмещаются: ср. *овоци* > *обоци* то же [Новг. Сл. 6: 105]).

Особенно «опасно» для научной этимологии полное соответствие лексемы, преобразованной народной этимологией, словообразовательным моделям языка периода преобразования. Так, вторичность форм *кроховóр* 'о том, кто не вовремя и без разрешения берет со стола съестное, мелкий воришка' [Сл. Карел. 3: 27], *трясло́* 'отходы при прочесывании льна, костры' [Сл. Ср. Ур. 6: 111], *огрему́чий* 'обильный, крупный (о ягоде)' [Сл. Алт. 3, I: 188] несомненна лишь благодаря сохранению в языке первичных *кробор*, *треста*, *огромный*. Но уже происхождение слова *подзы́бница* 'лестница' [Сл. Алт. 3, II: 90] как возможного преобразования не столь очевидно: потенциальный объект преобразования *подзы́бница* имеет иное значение — 'чердак' [Там же], а производность *подзы́бница* в гнезде *зыбать* возможна: ср. *позы́бница* 'трясина' [СРНГ 28: 22]. Впрочем, фиксация слова, тождественного рассматриваемому *подзы́бница* по структуре корня, но отличного по семантике, — *подзы́бница* 'подполье, подклеть' [Там же] все-таки свидетельствует скорее о вторичности *подзы́бница*. При этом в первичном *поды́збница* одновременно изменились и мотивация, и форма, и значение.

Учитывая рассмотренные случаи, можно, кажется, пересмотреть этимологическое истолкование праслав. *\*obkystь*. Праславянская лексема реконструирована на базе соответствий ст.-польск. *okiść* 'снег, примерзший к веткам деревьев и свешивающийся в виде кистей' [Sł. stpol. 5: 551], *okiść* 'снег, свешивающийся с веток' [Sł. polszcz. XVI w. 21: 199], польск. *okiść* 'смерзшийся и свисающий с ветвей в виде кистей снег, сосульки, иней' [Warsz. 3: 733], укр. диал. *ók'ic'm'*, *ók'ic'* 'легкий пушистый снег, который оседает на деревьях в тихую

погоду' [Никончук 1979: 121] и объясняется как производное от \**kustь* с префиксом \**ob-* [ЭССЯ 27: 230]. При теоретической возможности подобного образования, наличие в чешском, словацком, русском, украинском и белорусском языках лексем, предполагающих праслав. \**obkydь* с семантикой, в частности, 'снег, иней', производное от \**obkydati*, \**obkydnouti* [Там же: 228], позволяет предпочесть объяснение происхождения \**obkystь* воздействием народной этимологии на \**obkydь*. Насколько повлияла она на научную этимологию, видно из предлагаемых в словарях толкований значений славянских лексем, включающих упоминание о сходстве снега, инея с кистями (см. выше польский материал).

Окончательное усвоение слова—результата народноэтимологического преобразования новым гнездом может происходить на следующем этапе: полученная форма нередко подвергается чисто морфологическим преобразованиям или становится базой или мотивационным образцом для возникновения новых слов, формально принадлежащих уже к новому этимологическому гнезду, но вносящих в него элементы первичной для них семантики. Например: *нетина* 'ботва' > *метина* 'плеть огурцов' [Новг. Сл. 5: 84], под влиянием *метать*, и *мятина* 'картофельная ботва' [Новг. Сл. 6: 118; Сл. Карел. 3: 287], 'ботва картофеля и корнеплодов' [Сл. Карел. 3: 233], под влиянием *мять*, откуда вследствие перерасположения и обратного словообразования — *мета* 'картофельная ботва' [Новг. Сл. 5: 84] и *мята* то же [Там же: 118]; *омела* > *помела* > *помелó* то же (полесск.) [Валенцова 2001: 371], откуда *метла* 'омела' [Там же: 367]; *взабыль* нареч. 'истинно, действительно, в самом деле так' (арханг., олон., север., новг., пск., ряз. и др.) [СРНГ 4: 232] > *взаболь* то же (арханг., олон., волог., яросл., пск., ряз. и др.) [Там же: 231], *взабыльный* 'настоящий, подлинный, неподдельный' (пск., твер.) [Там же: 232] > *взабольный* то же (пск., твер., арханг.) [Там же: 231], откуда *взабольный* то же (твер., пск., новг. и др.) [Там же].

Подобное наращение новых образований может быть формально весьма свободно связано с базовым словом—результатом народноэтимологического преобразования, используя лишь тот же корень, но ориентируясь на старую семантику слова. Например, *огаркий* 'громкий, звонкий' [Сл. Карел. 4: 134] можно было бы считать за непосредственное производное от *гаркать*, но записанный контекст связывает это прилагательное с колокольчиками (Как *забрякали* какие-то *колокольчики*, *огаркие* такие), звон которых обычно этим глаголом не обозначается, сопоставление же с *подгарок* 'колокольчик, бубенчик, который подвешивается на ремне под шеей лошади' (волог., калин.), которое является производным от польского (через

западнорусское посредство) заимствования *podgardle* 'кожа, свисающая под горлом животного; ремень под шеей в конской упряжи' [Варбот 1976: 157–160], позволяет предполагать народноэтимологическую ремотивацию *подгарок* по связи с *гаркать* и соответственно образование на базе этой мотивации *огаркий* от *гаркать*.

Во всех подобных случаях новые образования уже неотличимы структурно от закономерных производных этимологического гнезда, усвоившего преобразованную народной этимологией лексему, так что генетически чуждая семантика новообразований воспринимается как метафорическая. Из этого следует методическая «подозрительность» лексем с метафорическими значениями для этимологии в отношении их потенциальной гетерогенности. Примером убедительного этимологического отделения лексемы—результата народной этимологии от случаев переносных значений может быть предложенное Горяевым толкование рус. *улизнуть* 'скрыться, убежать' как народноэтимологического сближения с *лизать* первичного *\*улезнуть* (к *лезть*) (цит. по: [Фасмер 4: 159]).

Еще более сложны для квалификации в качестве результата действия народной этимологии те случаи, которые выглядят как метафоризация слов, хорошо известных в других значениях. С точки же зрения народной этимологии можно предполагать подстановку на место лексемы, утратившей мотивационную прозрачность, другой лексемы — по созвучию и некоторому сходству означаемых. Бесспорным случаем такого рода представляется, например, *пряник* 'плоский деревянный брусок с рукояткой для выколачивания белья' [Сл. Прииртыш. Доп. 1: 124], которое заменило созвучное *пральник*; при этом обозначаемый предмет может быть уподоблен прянику скорее под влиянием этого созвучия. Возможно, но достаточно проблематично участие народной этимологии в появлении *озерко* 'зрачок' [Сл. Сиб. I, 1: 55]; вероятны и метафора, и преобразование *зерок* 'зрачок' [Там же]. *Кружель* 'пучок вычесанного льна, изготовленного для пряжи' [Новг. Сл. 4: 153] могло появиться по народноэтимологическому сближению вместо *кудель*, но не исключен и перенос значения по смежности: ср. польск. *krężel, krążel* 'стояк прялки, на который наматывают пряжу' [Warsz. 2: 573, 554], см. о взаимовлиянии форм и значений и контаминации *\*krężel* и *\*kōdel* [Трубачев 1966: 97].

Различение подобных семантических «вторжений» как следствий народной этимологии от метафорических значений имеет для научной этимологии не только практическое (в отношении толкования происхождения каждой лексемы), но и методическое значение, так как ошибочное восприятие народноэтимологических последствий

как метафор ведет к ложному представлению о возможностях семантического развития и соответственно — к использованию этих псевдометафор в семантических параллелях, не соответствующих истории лексем.

Иногда народная этимология воздействует не на корень, а на словообразовательные форманты, семантизируя их путем преобразования их формы и превращая таким образом слово с одним корнем в сложение. Этот тип народной этимологии отмечен также, например, в литовском языке [Kabašinskaitė 1988: 65, 206]. Преобразование провоцируется частичным сходством форманта с каким-либо корнем. Например, *подать* > *подать* 'оброк' [Южн. нар.: 202], *колдобина* > *колдобочина* 'углубление, яма в реке' [Сл. Алт. 2, II: 58]. Таким образом могут устраняться архаичные форманты. Например, русск. *глухмѣнь* 'глушь' (сев.-зап.), 'полночь, глубокая ночь' (тамб., костр.) [СРНГ 6: 214], производное с суф. *-мень*, выделенным из старых основ на *-теп-* (Miklosich 2: 237) > *глухомань* [Варбот 2001: 7]. Тот же формант преобразован в случае *сухмень* 'суходол, сухая глина с супесью, плохая почва' [Даль 3: 367] > *сухомань* [Инв. инд.: 377]. При учете этих преобразований имен с суф. *-мень* представляется вероятным, что подобное же преобразование дало ст.-русск. *лихомань* 'обманщик, мошенник' [СлРЯ XI—XVII вв. 8: 250], русск. *лихомань* 'дьявол, черт; неприятный человек, злодей' и др. [СРНГ 17: 79], укр. *лихома* 'беда' [Никончук 1968: 85], польск. *lichman* 'расточитель, ссуда под процент' [Warsz. 2: 733]. На базе этих лексем реконструировано праслав. *\*lixomanъ* [ЭССЯ 15: 93], но сопоставление структур слов, особенно польск. *lichman* и русск. *лихманка* 'лихорадка (смол.)' [СРНГ 17: 76], позволяет видеть здесь реинтерпретацию более древнего *\*lixme*.

Однако преобразование архаичных суффиксальных моделей в сложения не исключает возможности несоответствия возникающих сложных слов актуальным структурам словосложения. Так, для русского языка нехарактерно стечение гласных, в том числе и на внутренней границе сложений. Но результатом народноэтимологических преобразований часто оказываются сложные слова с внутренним зиянием на стыке основ. Например, уже рассматривавшиеся раньше случаи: рус. *оплеуха*, блр. *аплявуха*, *плявуха* < *плѣуха* 'пощечина'; *корнеушка* 'корзина, сплетенная из корней сосны' [Новг. Сл. 4: 114] < *корнеушка* то же [СРНГ 14: 342]; новосиб. *оглоумнѣть* 'поглотить' [СРНГ 22: 319] < *оглумнѣть* то же (курск., орл., смол., твер.) [Там же: 320], от *глум* [Варбот 2001: 7–8]. Таким же образом можно истолковать новосиб. *обеушки* мн. 'щипцы для выдергивания гвоздей' [СРНГ 22: 40] < *обушки*; *облоум* моск. 'глупый, упрямый чело-

век', калин. 'упрямый, хитрый человек' [Там же: 110] < *облом* 'грубый, прямой, резкий человек' (твер., пск., смол., новг., волог. и др.) [Там же: 108].

В приведенных случаях возникшие в результате действия народной этимологии лексемы воспринимаются как сложения вследствие возможности отождествления второй части слов (считая границей зияние) с определенными словами и приемлемости новой мотивации с точки зрения сохранившегося значения. Но нередко структурно аналогичные результаты преобразований, в которых выделяемая зиянием вторая часть слова или не отождествляется с каким-либо корнем, или не позволяет соотнести возникающую мотивацию с семантикой слова. И однако преобразования в них реальны, например: сев. \**бродоу́ха* 'топкое место' [Сл. Рус. Сев. 1: 187] < \**бродуха*, ср. *бродуша* 'человек, который бродит' [СРНГ 3: 192], *рогоу́лина* 'деталь прялки' [Сл. Орл. 12: 177] < \**рогоулина*, ср. *рогоуленька* то же [Там же]. На этом основании были уже ранее предложены мною толкования *обреу́тка*, *обреу́ток* 'толстяк' (моск., ряз., казан. и др.) [СРНГ 22: 220] < *обрю́ток* то же [Там же], к праслав. \**obr'uta/obruta* (ср. словен. *obruten* 'неуклюжий, неловкий') от праслав. \**r'utiti/rutiti* 'сыпать' (см. [Варбот 1998: 36–37]); костр. *ощеу́лить* 'насмехаться, издеваться' [СРНГ 25: 103] < \**obščuliti* (ср. словен. *ščuliti* 'науськивать', чеш. диал. *štoulet se* 'усмехаться') [Варбот 2001: 8], *poštulovat se* то же [Нодура. Litomyšl.: 51] и перм. *ощеурничать* 'насмехаться, издеваться' [СРНГ 25: 104] < *obščur-* (к \**ščur-* 'драть', ср. донск. *ошурья* 'короткая шерсть на животе и ногах овцы', подробнее см. [Варбот 2001: 8]).

Иногда сложение с зиянием появляется вследствие выпадения согласного в этимологическом сложении, например: *большеу́тный* > *большеу́тный* 'прожорливый, жадный к еде, ненасытный (о человеке)' [Сл. Рус. Сев. 1: 145]. Чисто фонетическое преобразование в одноосновных словах может и не создавать сложений, например: *калу́жина* > *клау́жйна* 'лужа' [Сл. Сиб. 2: 69]; от *кляушка* 'изгиб дороги' — *кляуша́ть* 'делать изгибы (о реке)' [Там же: 75, 72].

Последовательность фонетических и народноэтимологических преобразований обнаруживается сопоставлением вариантов лексемы в разных диалектах. В казанских говорах зафиксированы существительное *плюда* 'о большом количестве кого-, чего-л.' (Какая у него *плюда детей!* [СРНГ 27: 164]) и глагол *плюдить* 'увеличивать в числе, количестве' [Там же]. Соответствий в других славянских языках, кажется, нет. Однако структура и семантика позволяют достаточно уверенно истолковать основу *плюд-* как древнее исконное образование, точнее — праславянский диалектизм, родственный с лит. *pláusti, pláudžiu* 'полоскать, стирать', лтш. *plūst* 'литься,



струиться', *pludôt* 'плыть, носиться (по воде)', др.-в.-нем. *fliozan* 'течь' и вместе со всей этой группой восходящий к и.-е. *\*pleud-/ \*ploud-* — расширению корня *\*pleu-* 'течь, плыть'. Семантика увеличения, множества объясняется развитием из 'течь, литься сильной струей; натекать; переливаться'. Ближе к первичной семантике этого гнезда оказываются результаты преобразований глагола *плудить* в других говорах: яросл. *полудить* 'мочиться (о ребенке)' [Яросл. Сл. 7: 79] — с морфологическим преобразованием, волог. *плаудить* 'разливать воду (на полу, на столе и т. п.)' [СРНГ 27: 100], новг. *наплаудить* 'сильно обмочить мочой постель, себя' [Новг. Сл. 5: 161] — с образованием зияния. Подобная этой последней форма стала далее основой для орл. *распловудить* 'распродать' [Сл. Орл. 12: 96] и, наконец, *распалаудить* 'заставить разбежаться, разойтись в разные стороны; разогнать' [Там же: 91], воспринимаемого уже как сложение.

На основе предложенного анализа группы глаголов *плудить*, *плаудить*, *распалаудить* можно обратиться к объяснению происхождения «темного» существительного *полоуднички* в фольклорном тексте-загадке о цапах: *Летят гуськи, Летят, кричат: Полоуднички!* [СРНГ 29: 127]. В. А. Орел предложил толкование структуры основы *поло-уд-* как первичной, исходя из предположения о связи сюжета с тематикой плодородия [Орел 1979: 56–77]. Но рассмотренный выше глагол *распалаудить* 'заставить разбежаться, разойтись в разные стороны, разогнать' позволяет объяснить *полоуднички* как производное (через несколько ступеней) от беспрефиксного глагола *полоудить* и реконструировать значение имени как 'разгоняющие, догоняющие, преследователи', что соответствует ситуации молотбы. Ср. в отношении семантики восходящее к тому же этимологическому гнезду влад. *плáвить рожь* 'выбивать из снопов самые крупные зерна на семена', *плáвить овес, рожь* 'отделять хлебные зерна от сора, веять, очищать' [СРНГ 27: 68].

Основной причиной народноэтимологических преобразований обычно считается утрата словом мотивированности, т. е. прозрачных словообразовательных связей с производящей основой [Olschansky 1996: 126]. Анализ диалектного материала побуждает усомниться в этом, поскольку весьма часты случаи преобразования вполне прозрачных лексем, например: *бороло́м* 'буреломник' [Сл. Рус. Сев. 1: 160], *белогу́зка* 'травянистое растение (белоус?)' [Там же: 92]: *Белогузка* — трава острая, длинная); *скупи́дмец* < *скопидом* (см. выше); *безобра́тство* 'возмутительный, безобразный поступок' [Там же 1: 45] < *безобразие*; *скороё́жка* 'сыроежка' [Сл. Прииртыш. 3: 146]; *неви́дим* 'нелюдим, эгоист' [Сл. Перм. 1: 584]; *обу́рки* 'обувь' [Сл. Алт. 3, 1: 180] < *обутки*.

Созданные народной этимологией мотивации в большинстве случаев рациональны, но не всегда (даже если возможно отождествление новых корней с реальными лексемами): ср. приведенные выше *белогузка* (белый цвет примечателен для соцветия этого растения, ср. другое его название — воронез. *белоголовник*, см. [СРНГ 2: 218]) и *обурки* (*бурки* — название лишь одного вида обуви — валяных сапог). Однако нерациональность, парадоксальность новой мотивации ([Olschansky 1996: 147] предлагает для подобных случаев особый термин — интерпретация) может представляться таковой лишь с позиций семантики соответствующих «новых» корней в литературном языке, тогда как в лексической системе говора мотивация вполне логична. Ранее мною было рассмотрено как случай такой псевдопарадоксальности преобразование слова *простоква́ша* в *пестроква́ша* (без изменения значения): оказалось, что в народной культуре *пестрый* стало обозначением постных, голодных периодов и в этом качестве логично заменило *простой* как его частичный синоним ('пустой', см. [Варбот 2001: 6]). Следовательно, парадоксальность мотиваций требует пристального внимания и анализа на фоне семантики и культуры этноса соответствующего ареала и времени.

Трудность решения последней задачи особенно очевидна в случаях народноэтимологических преобразований доисторической древности. Одним из них является праслав. *\*gnězdo*, восходящее в конечном счете к и.-е. *\*nizdo-* < *\*nisdo-*. Участие народной этимологии (= аналогии) в истории этого слова признается почти всеми, но остается спорным источник воздействия. Помимо версий, неудовлетворительных с фонетической точки зрения (влияние *\*gnesti*, см. [Berneker 1: 313], или *gnьs-*, см. [Фасмер 1: 420; гипотеза Вайяна], не объясняет появление *ě*), была предложена еще гипотеза о связи с *\*gniti/ \*gnojiti* [Фасмер 1: 420; гипотеза Младенова]. В дальнейшей разработке этой версии в подтверждение мотивации по признаку загрязнения приводится немецкая фамилия *Scharnhorst*, букв. 'загаженное гнездо' [ЭССЯ 6: 172–173]. Однако в славянской традиционной культуре гнездо ассоциируется, как правило, с представлениями о хорошем доме, домашнем уюте, благополучии, ср.: *Как у ласточки в гнезде* 'о хорошей, удобной постройке; о красивой отделке дома' [Сл. личн.: 66]; *вить свое гнездо* 'обустраиваться (о молодоженах)'. Различные предметы из птичьих гнезд и сами гнезда способны приносить счастье, богатство [Гура 1997: 51, 246, 539, 612, 645], откуда проистекает запрет на разорение гнезд культово «чистых» птиц [Слав. древн. 1: 503]. Загрязненность птичьего гнезда или вообще игнорируется фольклором, или приписывается личной нечистоплотности какой-либо «нечистой» птицы: ср. *Никакая сорока в*

свое гнездо не гадит [Даль 1: 362] и представление о глупости вороны, которая «никак не может понять, что причина сора в ее гнезде — ее собственная неряшливость» (в восточнослав. сказке, см.: [Гура 1997: 542]). Вероятно, именно в этом плане — как личную порицаемую черту — следует понимать упомянутую выше немецкую фамилию (= 'оскверняющий, позорящий свой род!'). Поэтому представляется невероятным преобразование и.-е. *\*nizdo-* > *\*gnězdo* под влиянием ориентации на *\*gniti/ \*gnojiti*.

Принципиально новое толкование происхождения не только праслав. *\*gnězdo*, но и и.-е. *\*nizdo* было предложено Ю. В. Откупщиковым [Откупщиков 1967: 144–145]: и.-е. *\*gnei-z-dos/ \*gnoi-z-dos* от и.-е. *\*gnei-/ \*gnoi-* (> слав. *\*gně-*) 'жечь, зажигать', с реконструкцией развития значения 'выжженное в лесу место (для жилья)' → 'жилье, дом' → 'гнездо, логово'. Эта гипотеза не получила поддержки [SP 7: 184], предполагаемое семантическое развитие представляется маловероятным при учете преобладания направления 'гнездо' → 'дом'. Однако в этой версии есть рациональное зерно — связь с глагольной семантикой 'зажигать'. Дело в том, что в традиционной славянской культуре весьма устойчива связь птичьего гнезда и огня, пожара: гнездо ласточки или аиста оберегает жилище от пожара и молнии [Гура 1997: 90, 622, 632], разорение гнезда ласточки, аиста или удода влечет за собой пожар [Там же: 620], дом могут поджечь ласточка [Там же: 61, 623], удод [Там же: 602], аист [Там же: 647, 662, 663]. Эта ассоциация породила, вероятно, веру в магическую силу окуривания птичьим гнездом [Там же: 677; Слав. Древн. 1: 503]. Возможно, она же обусловила преобразование и.-е. *\*nizdo* в направлении мотивации по реальному (в отличие от реконструированного Откупщиковым) глаголу *\*gnětiti* 'зажигать' и, соответственно, формального сближения с ним, что и дало праслав. *\*gnězdo*. Во всяком случае, внешняя парадоксальность мотивации потенциальных результатов народной этимологии не должна отвращать исследователя-этимолога от гипотезы о народноэтимологической природе анализируемой формы лексемы и от поисков рациональных оснований ремотивации в лексической семантике и культуре народа.

Приведенный анализ формальных и семантических результатов действия народной этимологии в русских говорах и опыты опоры на него в истолковании генезиса некоторых праславянских лексем позволяют утверждать о необходимости учета научной этимологией народноэтимологических преобразований как важнейшего фактора истории лексики.

## Принятые сокращения

- Валенцова 2001 — *Валенцова М. М.* Материалы к словарю Полесской этнокультурной лексики: астрономия, метеорология, время // *Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы.* М., 2001.
- Варбот 1976 — *Варбот Ж. Ж.* *Подагрок* // *Русская речь.* 1976. № 5.
- Варбот 1998 — *Варбот Ж. Ж.* К славянским обозначениям изобилия и тучности // *Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого.* М., 1998. Т. 1.
- Варбот 2001 — *Варбот Ж. Ж.* Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // *Этимологические исследования.* Екатеринбург, 2001. Вып. 7.
- Гридина 1984 — *Гридина Т. А.* О характере смысловых ассоциаций в процессе народной этимологии // *Этимологические исследования.* Свердловск, 1984.
- Гридина 1989 — *Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. М., 1955 (= СПб., 1880–1882). Т. 1–4.
- Инв. инд. — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- Никончук 1968 — *Никончук Н. В.* Из лексики полесского села Листвин // *Лексика Полесья.* М., 1968.
- Никончук 1979 — *Никончук М. В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережжя Полісся). Київ, 1979.
- Новг. Сл. — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.
- Орел 1979 — *Орел В. Э.* Слав. *\*идь* // *Этимология.* 1977. М., 1979.
- Откупщиков 1967 — *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
- Слав. древн. — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995—. Т. 1–.
- Сл. Алт. — Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И. А. Воробьевой. Барнаул, 1991–1998. Т. 1–4.
- Сл. Карел. — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—. Вып. 1–.
- Сл. личн. — *Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Сл. Орл. — Словарь орловских говоров / Научн. ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль; Орел, 1989—. Вып. 1–.

- Сл. Перм. — Словарь пермских говоров / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова и др. Пермь, 2000—. Вып. 1—.
- Сл. Прииртыш. — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992—1993. Т. 1—3.
- Сл. Рус. Сев. — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1—.
- Сл. Сиб. — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999—. Т. 1—.
- Сл. Соликам. — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
- Сл. Ср. Ур. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.), 1966—. Вып. 1—.
- Топоров 1986 — *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // *Этимология*. 1984. М., 1986.
- Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Вып. 1—.
- Южн. нар. — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южно-русское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Яросл. сл. — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—1991.
- Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913. Bd. 1—2.
- Cienkowski 1972 — *Cienkowski W.* Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972.
- Hodura. Litomyšl. — *Hodura G.* Nářečí litomyšlské. Litomyšl, 1904.
- Hruška. Sl. chod. — *Hruška J. F.* Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii. Číslo 7).
- Kabašinskaitė 1998 — *Kabašinskaitė B.* Lietuvių kalbos liaudies etimologia ir artimi reiškiniai. Vilnius, 1998.
- Kořínek 1936 — *Kořínek St.* Poznámky k metodice etymologizování // *Slovo a slovesnost*. 1936. Ročn. 2. Seš. 2.
- Machek<sup>2</sup> — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné rydání. Praha, 1968 (= 1971).
- Miklosich — *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1875—1876. Bd. 1—3.

- 
- Olschansky 1996 — *Olschansky Heike*. Volksetymologie. Tübingen, 1996.
- Sł. polszcz. XVI w. — Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław, 1966—.  
T. 1—.
- Sł. stpol. — Słownik staropolski / Red. nac. S. Urbańczyk. Warszawa, 1953—.  
T. 1—.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974—.  
T. 1—.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński F., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego.  
Warszawa etc., 1952–1953 (= 1900–1927). T. 1–8.